

Огонек

117
174

Японский пролетариат борется за свои права. В связи с ухудшением хозяйственной конъюнктуры и новым натиском капиталистов на права трудящихся, в Японии поднялась новая стачечная волна. На снимке — демонстрация японских рабочих в токийском Шита-парке

Фот. Союзфотэ

Санаторий для рабочих в Сочи

Фото Г. Пеструсова

Огонек

Пребывание д-ра Эдуарда Бенеша в Москве. Министр иностранных дел Чехословакии д-р Эдуард Бенеш посетил Москву.

За время своего пребывания в столице СССР д-р Бенеш имел несколько бесед с Народным комиссаром по иностранным делам товарищем Литвиновым, а также беседу с товарищами Сталиным и Молотовым. Эти беседы протекали в атмосфере искренности и полного взаимопонимания. Основой сотрудничества обеих стран признано их искреннее стремление к укреплению мира на благо всех народов Европы. Д-р Бенеш и сопровождавшие его лица осмотрели Москву, ее культурные и научные учреждения, фабрики и заводы. Из Москвы д-р Бенеш отправился в Ленинград, на Украину, в Харьков и Киев, и затем выехал в Чехословакию. На снимке: с д-ром Бенешем — д-р Эдуард Бенеш, И. В. Сталин, полпред СССР в Чехословакии С. Александровский, М. М. Литвинов и В. М. Молотов.

XXXV -167 ПОСЛЕ ИЮЛЯ 1830 года

Виктор Гюго

Вот праздник и у вас! Вот, братья, суждено вам
Победу увенчать своим венком дубовым,
И лавры водрузить на дорогих костях,
Триумф юности душой возвеселиться
И зависть разбудить в знаменах Аустерлица,
Поднявши свой разданный стяг.

Гордитесь! Вы сейчас своим отцам подобны.
Вы извлекли на свет из темноты загробной
Добытых с бою прав и упований тень.
Июля пламенный подарок, сам светили
Три солнечных зари, три взятых вновь бастилий,
А у отцов был только день.

Вы — дети их во всем. Огонь отцовской крови
Играет медью мышцу, ломает гневом брови.
Они лишь начали. Теперь для вас черед.
Вас Франция, как мать, качала и ескормила,
И ей легко пройти на удивленье мира
В день на столетие вперед.

Ревнует Англия и Греция Гомера.
Европа сражена величием примера.
Привет Америки летит сквозь океан.

Хватило вам трех дней, чтобы разбить окопы,
Бы ныне — первенцы из племени такого,
Чьим праотцем был великан.

Он совершил для вас весь этот круг широкий.
Триумфы и бои, равнины, рек потоки,
Чрезмерные труды, неслыханная даль,—
Все наша Франция перенесла когда-то,
Через Москву и Рим прошли ее солдаты
Путь из Жемаппа в Монмирайль.

Вы, дети-школяры, в те боевые годы
Учились многому у бранной непогоды.
Все игры школьные вам осенил штандарт.
Беликим замыслом, деяньем знаменитым,
Четой скрещенных рук и взором, как магнитом,
Притягивал вас Бонапарт.

Орлица! За тобой птенцы взлетают следом.
Теряла перья ты, неслась к благим победам.
Там, на глухой скале, где плещется закат,
Твой клеток затихал. Твои птенцы молчали.
Так расплескай крыла, любуйся без печали
Не вылушавшихся орлят!

Перевел ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

ГЮГО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОЭТ

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Тем, кто имел дело с букинистами, наверно бросалось в глаза обилие разрозненных томов Гюго на полках старых французских книг. Они попадаются так часто и в таком количестве, что иногда начинает казаться, будто вся французская поэзия — это Гюго. В призрачии к нему, Москва и Париж весьма похожи друг на друга. Набережная Сены так же завалена книгами Гюго в кремовых обложках, как Арбат или улица Герцена. Стихи, разрозненные тома романов, пьесы... Хрестоматийный, изблюбленный в средней школе, кумир среднего читателя, Гюго заполнил книжный рынок. Удовлетворив и перенасытив спрос, истрепанные экземпляры продолжают всплывать в мировом обороте, пока не истребятся окончательно. Когда это произойдет? Чем держится эта устойчивая, ровная, рыночно-разменная слава писателя, прошедшего такую долгую, пеструю, горячую жизнь, писателя, который из юноши-бунтаря, романтика превратился в лауреата всех слав, в национального поэта, в того условно голого старика, каким вылился его Роден.

Судьба поэзии Гюго стоит того, чтобы к ней приглядеться. Она поучительна и для нас — строителей новой культуры, перерождающей человека. Дело не в том, что эта поэзия — «железный фонд» классиков, а в других гораздо более личных и острых свойствах.

Сын наполеоновского генерала. Блестящий, нервный, впечатлительный, склонный к саморекламе, признанный чуть не с мальчишеского возраста. С неизмеримыми ворохами прочитанного в голове. Простудировавший всю греческую и латинскую классику, Данте, Тассо, испанских поэтов и Шекспира, он — как у себя дома — в мифологии, в истории, в фольклоре. Голоса эпох, легенд, исторических событий гудят в нем наперебой. Он жаждет и самовлюблен. В нем можно обнаружить черты молодых героев Бальзака, — того «наполеоновского человека», которым дышала европейская культура в начале прошлого века и который рикошетом отразился в нашем Германе из «Пиковой Дамы». Это одна из формаций молодой буржуазии, один из ракурсов ее фирменного портрета. Он — сын наполеоновского генерала, — но кроме того, он — сын Великой французской революции, — сын тех, которые брали Бастилию, и монтаньяров. Столь революционное происхождение уживается у него с мракобесием де Местра и Шатобриана, властителями дум поколения. Юноша так же горюет о лилиях Бурбонов, как о солнце Аустерлица. Ему дороги туманы феодальной легенды. И, наконец, он — поэт. С малых лет его несет и гонит тугая волна ритма; в любую минуту она может выродиться в самую шаблонную риторику, но также в любую минуту она готова выпрямить свой упругий хребет, и тогда льется страстная, мощная строфа, полная метафор и антитез, с ясной и прямо бьющей в цель мыслью. Никогда ни до него, ни после никто во французской поэзии не писал так «легко». Обратная сторона этой легкости, как уже сказано, — риторика. Тому, кто станет читать Гюго подряд, откроются неизмеримые километры воды и обших мест. Но это отнюдь не весь Гюго! Есть одна сила, которая его преображает. Эта сила — гражданский пафос и гражданское негодование.

Гюго мужал вместе со своим временем. Его романтичес-

кие иллюзии в какой-то своей части рассеялись. Из поклонника наполеоновской легенды и роялиста он стал демократом и радикалом. Дальше он не пошел. Но и эта эволюция была, конечно, огромна. Учила его жизнь, события эпохи, прежде всего революции 1830 и 1848 гг. и их разгром.

Годы после 1848, особенно после переворота Наполеона III (1852), — кульминационная точка его радикализма. В этом смысле его книга «Chatiments» («Жары») — документ страстного современника, разоблачающего авантюру бонапартистов. Она не утратила своей силы и для нас.

Гюго точен и язвителен. Его сатира обрушивается на головы правителей тогдашней Франции с яркой свирепостью. Он мобилизует свое испытанное красноречие, свои изблюбленные исторические параллели и контрасты. Он декларирует свой отказ от так называемого «чистого» искусства:

Поэт не молится, не грезит в наши
годы.

Ключом Консьержери он запирает
своды,

Ведущие в подвал, где заседает суд.
Тут вывернут карман любым высоко-

родьям.

Тут император не угоден.

Тут Макбет жульничал, опознан
Цезарь тут.

Крылатых строф моих не размыкай-
тесь, узы!

Пускай пылающие музы

Всех арестованных сочтут!

Он хлещет «Наполеона маленького» уничтожающими прозвищами и эпитетами: «Атила карапузов», «одетый и обу-

тый под Бонапарта вор», «мерзкий гаер», «пройдоха»... И узнав, что император презрительно отозвался о его книге, он приговораждает его новой эниграммой:

Ага! Придет пора, — и взвоешь ты, несчастный!

Тебя, пытящего после работы грязной,

Кичащегося днес в триумфе шутовском,

Схватил я и навек снабжаю ярлыком.

Сбегаются толпа. Ты высмеян, мошенник.

Меж тем как у столба заклепанный ошейник

Принудит голову не гнуть от оплеух,

Меж тем как пущенный понесся дальше слух,

И догнала тебя история раздела, —

Пытаешься острить: мне, мол, какое дело!

Хохочешь, дурачок, услышав обо мне.

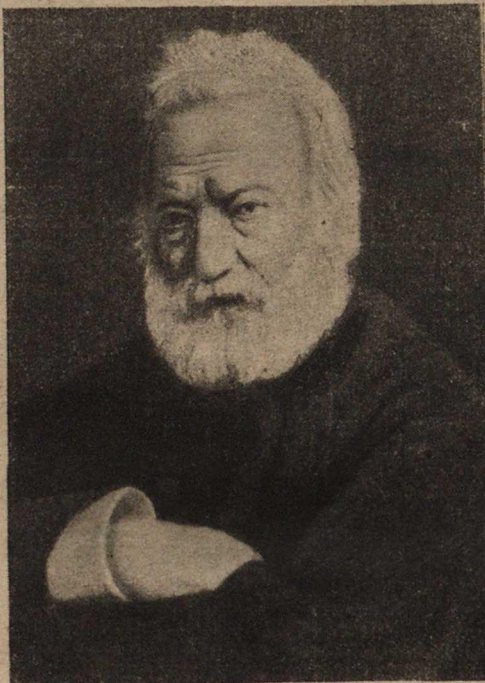
Но раскален мой прут, — и шерсть твоя в огне!

Эта книга гражданской лирики образцова для нас и сегодня. Но кроме того она типична. Типична для мелкой буржуазии в середине XIX века. Типична и для романтика, теряющего свои гуманные иллюзии перед лицом черной европейской реальности.

История мне мировая

Всеобщей каторгой встает!

Мне кажется, что советские поэты еще не раз в своей живой практике будут обращаться к Гюго. Нам есть чему учиться у него. Этот человек всегда жил большим: большими чувствами, большим дыханием, большим убеждением в том, что искусство познает мир затем, чтобы его переделать.

Виктор Гюго

МИЛЫЙ АЛЛИГАТОР

ДОРА ВЕНЧЕР

ЧАЙ со сливами, варенье, бисквиты, как всегда в это время, поданы в гостиной. И как всегда в это время, мистрис Эмили Флетчер ждет своего любимого покровителя.

Если бы кто-нибудь был настолько нескромен, что спросил бы эту красивую, безупречно сложенную брюнетку, с грустью приближающуюся к сорока годам, помнит ли она те времена, когда ее звали еще Эмилией Пясека и когда она в это время дня садилась со своей матерью в маленьком дряхлом домике в западной части Пруссии пить бурду без молока и сахара, отдаленно напоминающую кофе, — мистрис Эмили не вспомнила бы. Да и кто станет здесь, в Нью-Йорке, задавать подобные вопросы?

За последние шесть лет не было ни одного дня, — если только был сезон, и она находилась в городе, — чтобы ровно в семь часов за стеклянной, оклеиванной медью дверью не появилась бы безукоризненная фигура м-ра Миллера. Своим величественным спокойным шагом он проходил между двумя мраморными колоннами, подходит к ней и жмет ей руку. М-р Миллер — директор рыбного концерна, председатель союза промышленников, акционер железнодорожных компаний. Он также член почетного президиума общества спасения падших девиц, член лиги борьбы с туберкулезом, клуба офицеров мировой войны и т. д. Сознание ответственности и почитание моральных устоев придает его лицу, заканчивающемуся двойным подбородком, невозмутимость, свойственную каждому почтенному деловому человеку в Америке.

Но сегодня, как будто, не все в порядке. Эмили замечает, что когда Джеймс открывает перед ним входную дверь, ее ввалилбнный не смотрит, как обычно, наверх, туда, где находится она. Этот взгляд кажется ей каждый раз прощанием с внешним деловым миром. М-р Миллер — это не обычный пруссавающий американский буржуа. Он претендует на честь считаться джентльменом в международном смысле этого слова. Большую часть своей молодости он провел в Западной Европе. Этому обстоятельству он обязан своим почти фантастическим для американских условий образованием. В молодости он прочел первую часть «Фауста» — историю Гретхен, он читал тогда и Мопссана, и Эдгара По; он еще сейчас любит перелистывать «Правдивые рассказы». Его высокое самоуважение углубляется еще одним почти невероятным фактом: ни со своей женой в Бруклине, ни с Эмили в Нью-Йорке он не говорит о делах. За редкими исключениями, разумеется. Ведь, в конце концов, и образованный джентльмен всего только человек.

Эмили сегодня в серо-голубом туалете из пан-бархата, отделанного соболями. Ее большие круглые глаза в новой «отделке» (подбритые полукругом брови и искусственно выгнутые, по последней моде, ресницы) выглядят сказочно. Флегматичный ласковый Алли, маленький аллигатор, переваливаясь, подходит и кладет свои большие холодные лапы на шегольски обтянутые колени м-ра Миллера.

Со свойственной ему осторожностью и заботливостью, мистер снимает лапы крокодила со своего платья. Алли приоткрывает пасть и с легким стуком падает на персидский ковер. Миллер отряхает свои колени.

— Мне совестно, Эмили, утомлять тебя рассказами о делах, но сегодня я действительно раздражен. Эти люди, — он поджимает еще больше свой и без того тонкий рот, — из речных обшин, ты ведь знаешь? (Эмили не имеет понятия...) Ну, эти люди, которым ты зимой после благотворительного праздника перевела 400 долларов...

— Ах, так, — теперь она знает и с нежностью смотрит на него, — речные обшины! Это был конкурс на непрерывный танец в течение 300 часов, еще тогда двое из твоих служащих лишились чувств.

Мистер Миллер откидывается в кресле.

— Совершенно верно: так вот теперь эти люди осмелевают нам писать, что они не могут воспрепятствовать сливу молока в нашу реку. Что ты на это скажешь? Мы им посылаем 400 долларов, а они, видите ли, бедняжки, бессильны. Наши рыбы могут все слдохнуть, наши акции превратятся в нуль, но фермеры хотят выливать гектолитрами молоко в реку, так, по их мнению, — пусть выливают!

Он опять приподнимается в кресле, его широкая рука падает на ручку.

Эмили, бывшая Эмилиа, удивляется:

— Они выливают молоко, целые гектолитры молока? — она высоко поднимает брови. — Почему они не отдают его бедным, Роберт? Это ведь должно вызвать недовольство.

Она говорит, как всегда мягко, но в глубине души она возмущена. М-р Миллер в таких случаях прибегает к ласково поучающему отцовскому тону:

— Речь идет не о недовольстве, дитя мое. Они могут это проделывать ночью, поручать надежным людям. Они договариваются об этом. Если ты разрешишь, я вышущу Алли отсюда, — теперь мистер Миллер нервничает, — Алли слишком велик для комнаты, — говорит он, возвращаясь от дверей. — О чем я говорил? Да, они это делают по ночам, эти прок... мошенники, и наши рыбаки являются затем слишком поздно. Наблюдается большая смертность рыбы, очень значительная смертность. А конкуренты начинают доставлять рыбу из провинции.

Это звучит угрожающе, но Эмили продолжает удивляться.

— Я не понимаю, Робби, уничтожить такую массу молока? — Она округляет рот, и при этом видна ненакрашенная часть губ. — Да ведь это нужно просто запретить, это ведь аморально!

— Боже мой, Эми, о морали нет речи, я говорю о делах. (Джентльмен никогда не должен говорить раздраженно.) Дело обстоит так, что фермерам действительно необходимо избавиться от излишков молока, дитя мое. Это экономическая необходимость, дитя мое. Ты, как умная женщина, должна это понять. Они только не должны выливать его в реки, не так ли? Народ нуждается ведь и в рыбе, не так ли?

Когда он произносит слово «народ», лицо его благожелательно расплывается.

— Народ, Роб? — Эми качает головой. — Ну, и судака едят, окроренно говоря, только богатые люди.

Теперь возмущен Роб:

— Позволь, — с живостью спрашивает он, — что ж, по-твоему, мы — это не «народ»?

— Это-то конечно, — спешит оговориться Эми.

— Ну, так вот, слушай, — он ста-

новится чрезвычайно серьезен, — основа здоровой деловой жизни — кооперация. Это значит — совместная работа на благо народа. Для того, чтобы фермеры могли работать, мы даем им кредиты. Мы не можем обижать землевладельцев. А теперь налицо переизобилие. У них слишком много молока.

«Он думает, что он в союзе промышленников» — скусающе думает Эми.

— А нельзя продавать молоко дешевле, Робби? Тогда, может быть, не было бы излишков.

— К сожалению, этого делать нельзя, дитя мое! Если цены упадут, фермеры пропадут.

«Только бы он не завел об этом бесконечного разговора» — думает Эмили Флетчер и говорит:

— Я нахожу, что это просто ужасно! Я буду думать о бедных детях, которые стоят у воды и смотрят, как молоко, которое они могли бы выпить, выливается в реку!

Вот теперь она вспоминает то кофе, которое она пила на родине.

Миллер снова наливает себе чаю.

— Это происходит ночью, когда твои бедные дети спят.

— И буду еще думать о красивых золотистых рыбаках, которые всплывают кверху брюшком, задохнувшись в испорченной воде, — продолжает Эмили упрямо. Она уже давно вышла чай, а сладостей ей не хочется. — Ах, Роб, я ведь знаю, какое у тебя золотое сердце, ты, наверное, тоже находишь, что это ужасно. — Она опять ласково смотрит на него.

Мистер Миллер смеется:

— Ну, вот! Между прочим, сегодня великолепная икра. Ты невозможная фантазерка. Уверю тебя, ужасным может быть только одно: если мы понесем убытки. — Мистер Миллер начинает говорить торжественно, как на заседании. — Ибо тогда пострадает все дело. При всем моем уважении к твоим симпатиям к бедным, друг мой, должен сказать тебе, что нищета всегда существовала и всегда будет существовать. — Долгий разговор все-таки начинается. — Таков закон природы, которая обрекла человека на борьбу за существование, чтобы он развивал свои силы. То же самое и с животными, и с растениями — в этом смысл жизни, Эмили.

С покровительственной нежностью он берет мягкую руку своей подруги и целует ее; одновременно левой рукой он снимает трубку телефона и говорит деловым тоном:

— Вы еще здесь, Хунт? Хорошо. Пошлите в те пять адресов по 500 долларов. Немедленно. Как оформить? По статье разных счетов. Да, завтра в девять. Вы пригласили на совещание представителей землевладельцев? Отлично. Благодарю.

Теперь, наконец, м-р Миллер действительно пришел. Теперь он у Эмили. Он садится рядом с ней на кушетку. За туманившимися глазами он смотрит на ее знакомую, обольстительную руку, которую он не выпускает из своей, потом в ее глаза.

Но, к сожалению, впечатлительная женщина все еще полна мыслей о слышанном:

— Я когда-то слышала, будто в одной книге было написано, что здесь, в Америке, умышленно сжгли нефтяной фонтан. Понимаешь, цены падали, а нефти было слишком много. — Она, по обыкновению, говорит быстро, ее звучный голос

дрожит. — Значит, это правда, Робби? А я думала, что это наглая клевета, выдуманная этими большевистскими негодьями.

Робби беспомощно выпускает ее руку. Не зная, как к ней подойти, он начинает гладить ее густые волосы, уже тронутые у висков сединой.

— Довольно, бэби! — энергично заявляет он. — С женщинами действительно нельзя говорить о делах. Они слишком впечатлительны. Ты, моя любимая, очаровательная...

Внезапно он отшатывается. Стучат. В дверях появляется одна из горничных.

— Что случилось, Дженни?

— Аллигатор откусил мальчику садовника два пальца на руке. Я уже перевязала. Я пришла спросить, можно ли позвонить доктору Уайту? — Голос Дженни звучит совсем непочтительно.

— Ну, конечно, сейчас же, Дженни. Разумеется. На какой руке, Дженни? — Эмили очень испугана.

— На левой. Два пальца.

— Слава богу, на левой! — Эмили облегченно вздыхает. — Как хорошо, что на левой, это прямо счастье.

Девушка выходит с непередаваемым выражением лица. Мистер Миллер встает.

— Ай-ай-ай! — говорит он. — Это неприятность! — Заложив руки в карманы, он прохаживается по комнате. — Это обойдется недешево. — Он останавливается перед Эми, покачиваясь на госках. — Как ты думаешь, сколько садовник потребует?

— Не так страшно, Робби! — говорит она успокаивающе. — Он зато сохранит место: к тому же, это левая рука и всего только два пальца.

— Ну, хорошо, будем надеяться, что все обойдется. Но с Алли нужно покончить.

Робб опять начинает спокойно прохаживаться, повернувшись к ней спиной. Круглые глаза Эмили с ужасом смотрят ему вслед.

— Ты хочешь... ты хочешь... моего любимца... — Она медленно поднимается. Мягкая материя красиво облегает ее полные бедра. Вся ее фигура выражает скорбь.

— Твоему любимцу завтра может взбрести в голову позавтракать твоей или моей рукой, — спокойно отвечает он.

— Это невозможно, Робб, совершенно невозможно! — она вне себя. — Мальчишка наверно его рассердил. Я знаю, вся семья садовника терпеть не может Алли. Такое ласковое животное, у него ведь человеческая душа! Робби, умоляю тебя, Робби, не делай этого! Погубить бедное, ни в чем не повинное животное! О, можно действительно разуввериться в человеческой доброте! Я уверена, что Алли ничего плохого не хотел сделать! Даю голову на отсечение! Я ведь знаю Алли!

— Ладно, Эмили, из этого бедного невинного животного выйдут великолепные перчатки.

— Как ты можешь быть таким жестоким! — Эмили бросается на кушетку и начинает рыдать.

«Теперь, пожалуй, уже без Ролльс-Ройса не обойтись» — думает джентльмен. — «Неприятно, однако». Черная завитая головка зарылась в подушки, сероголубые плечи вздрагивают. — «Ох, эти женщины! Эти слезы! Но какой изгиб руки! Очарование! В ней чувствуется порода».

— Я пришлю кого-нибудь забрать Алли, дорогая. Это необходимо. — Мистер Миллер уже опять говорит поучающим тоном проповедника, а затем продолжает вкрадливо: — Иначе нельзя, Эмили, моя маленькая. А если хочешь, — уже нежно продолжает он, — можешь завтра утром заняться выбором Ролльс-Ройса. Я давно уже хотел тебе его купить.

Теперь, наконец, он действительно уютно уселся возле нее.

При слове «Ролльс-Ройс» надутые локоны его приятельницы пришли в движение. Она едва верит своим ушам. Уже два месяца она ведет борьбу за темнокрасный лимузин, а теперь, в одну минуту...

«Милый Алли, даже умирая, он приносит ей такую радость». Она возбужденно смотрит в сияющее лицо джентльмена. «Милый Алли!»

Перевод с немецкого
Е. МАГАТ

Дом отдыха № 10 в бывшем Ливадийском дворце (Крым)

Фото Ю. Амурского

ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА „ПИРПОНТ ФЬЮ и СЫН“

Л. ЛАГИН

— РАДИ бога, не волнуйтесь, господа, — проорочил ласковым баритоном Бриллиантовый Джонни, просовывая в окошечко, за которым священнодействовали кассиры, новенький полированный двенадцатизарядный револьвер. — И если вас не затруднит, — прибавил он, — не откажите в любезности поднять вверх ваши уважаемые руки.

Вслед за этими полными теплого лиризма словами, трое джентльменов, чуждавшиеся, очевидно, дешевой популярности и надевшие поэтому черные шелковые маски, не спеша, но и не особенно мешкая, переложили в три изящных чемодана все содержимое мопументальной кассы банкирского дома «Пирпонт Фью и Сын».

— Мне почему-то кажется, что все вы безумно влюблены в жизнь, — заметил дальше проникновенным голосом Бриллиантовый Джонни помертвевшим от ужаса кассирам, тоскливо провожавшим глазами направлявшихся к выходу джентльменов в масках. — И если я не ошибаюсь, все вы настолько благовоспитаны, что не откажете джентльмену в его скромной просьбе...

— Простите, что я вас прерываю, сэр, но у меня сложилось мнение, что вы кончите свою жизнь на электрическом стуле, — попытался морально повлиять на Джонни старший кассир.

— Вы все наверно горите законным желанием узнать, в чем может состоять просьба такого ненавязчивого джентльмена, как я, — продолжал журчать Бриллиантовый Джонни, не обращая внимания на бестактный выпад кассира. — Вы бы меня очень обязали, если бы не омрачили мой отъезд из банка излишним шумом на улицах нашего города или по крайней мере отложили бы это возмутительное нарушение тишины и спокойствия, в котором наш город так нуждается, по меньшей мере на полтора часа. Мне кажется, что наилучшим выходом из положения будет для вас, если вы посвятите часика полтора-два приятной и непринужденной беседе на любые темы под гостеприимной крышей этого дома. Я надеюсь, что и все остальные джентльмены, — Джонни кивнул на остальных служащих и клиентов банка, испуганно застывших под дулами револьверов четырех его помощников, — примут в беседе самое дружеское теплое участие. Я сам с наслаждением присоединился бы к ней, но, увы, меня ждет внизу машина и дела. Впрочем, мои коллеги останутся тут для того, чтобы некоторое время поддерживать вашу изысканную светскую беседу.

Через минуту удаляющийся рокот мощного мотора растаял в вечерней тишине улицы.

Четверо оставшихся молодцов Бриллиантового Джонни домовито расположились около дверей и закурили сигары.

— Ну что ж, — благодушно сказал один из них, обращаясь к все еще не ояравившимся от испуга служащим и клиентам банка, — времени свободного у нас много, давайте поболтаем. — И он еще с минуту подумал, а потом воодушевленно воскликнул: — Знаете что, давайте будем рассказывать о самых диковинных происшествиях, случившихся в истекшем году. Но только, чур, не врать. Начнем хотя бы с вас, сэр, — обратился он к почтенному джентльмену, сидевшему в мягкой кресле около большого круглого стола.

— Я не здешний, я из Нью-Джерси, — попытался было тот увернуться, но что ему справедливо было замечено, что и в Нью-Джерси безусловно за год приключилась не одна занятная история. Тем самым на карту была поставлена честь родного города почтенного джентльмена. Он откаплялся и начал.

— Я добрый христианин и твердо верю, как, надеюсь, и все остальные, здесь собравшиеся, в промысел божий. Поэтому из всех необыкновенных происшествий, в большом количестве приключившихся за истекший год в Нью-Джерси, я хотел обратить ваше внимание на примечательный случай с трехмесячным Филиппом Роменс. Этот юный христианин безмятежно спал на мягкой подушечке в своей коляске, когда на нее вдруг наскокил мчавшийся во весь опор автомобиль. Ребенка, конечно, отбросило на добрых двадцать футов вперед. Стоит ли говорить, что я, как и все другие очевидцы этого ужасного происшествия, подбегая к ребенку, ожидал увидеть обезображенный трупик, валяющийся в крови и пыли. И представьте себе мое удивление и радость — ребенок совершенно невредимый лежал на своей подушечке, упавшей на землю раньше его. Что же остается нам, верующим, делать, — воскликнул с пафосом набожный джентльмен из Нью-Джерси, — как не благословлять день и ночь промысел божий, без которого и волос никогда не упадет с нашей головы.

— С вашего позволения, джентльмены, я мог бы рассказать не менее удивительный случай, также из автомобильной практики, только не с трехмесячным ребенком, а с совершенно взрослой леди, — застенчиво проявил инициативу невысокий, рыжий, как морковка, клэрк. — Моя троюродная тетушка миссис Джанетта Ворд ехала не так давно на машине по Эканами Маунтен, и вдруг, понимаете ли, какая-то досадная неполадка в рулевом управлении. Машина, понимаете ли, срывается с 170-футового обрыва и переворачивается в воздухе не более и не менее, как четырнадцать раз, после чего со всего размаха ударяется о дерево. Дерево, конечно, вдребезги, машина тоже, а тетушка совершенно цела и невредима, если не считать нескольких легких ушибов. Тетушка объясняет свое чудесное спасение не промыслом божьим, а, понимаете ли, тем, что перед отъездом она положила себе под сиденье найденную накануне подкову. Говорят, знаете ли, что это чертовски помогает в пути...

Когда его слушатели единогласно подтвердили, что подкова в пути действительно приносит счастье, рыжий клэрк расцвел в повторной застенчивой улыбке и благодарно умолк.

— С позволения господ бандитов, — начал сосед рыжего клэрка — местный скотопромышленник, массивный и неприятный, как клоп, и увидев, что старший из бандитов молчаливо кивнул головой, продолжал: — с позволения господ бандитов я хотел бы рассказать джентльменам, собравшимся здесь, о не лишнем интересе случае, происшедшем недавно в городе Джуклине, штат Миссури, историю о том, как попался, наконец, в руки штатной полиции бандит Джонсон, за которым уже долгое время охотились шерифы многих графств. Представьте себе, джент...

В это время в кабинете кассиров загремел телефонный звонок. Старший кассир бросился было к телефону, но его властной рукой оттолкнул один из молодцов Бриллиантового Джонни, ставший сразу официальным и неприступным.

— Вас слушают, — сказал он и сейчас же добавил: — позвоните, будьте добры, через часок. Телефон очень плохо работает. Мы как раз послали сейчас за монтером.

Повесив трубку, он сказал рассказчику:

— Продолжайте.

— Представьте себе, джентльмены, — продолжал, не моргнув глазом, скотопромышленник, — что, когда Джонсона поймали, на него предъявили счет все гнавшиеся за ним шерифы. Положение было почти безвыходное. В воздухе запахло порохом и кровью, пока один наиболее сообразительный из них не предложил устроить аукцион: продать Джонсона на аукционе. В результате Джонсона получил Эван Шор, шериф из Берри-Каунти. Он затратил 60 долларов на выпивку всем остальным претендентам. С вашего позволения, джентльмены, хотелось бы подробнее рассказать некоторые примечательные детали этого дела, которые, в дополнение к сказанному моими уважаемыми предшественниками, еще более утвердят нас в нашей вере в промысел божий...

После скотопромышленника по очереди рассказывали диковинные истории все остальные участники этого безусловно чрезвычайно занятого по обстановке и обстоятельству собеседования.

Наконец, остался только один тихонький, скромно одетый господин лет сорока.

— Поверьте, джентльмены, — сказал он, — я нигде не годный рассказчик, да и вообще сейчас я целиком охвачен мыслями о том замечательном бизнесе, к которому я собирался немедленно приступить, как только получу из банка весь мой остаток вклада. Видите ли, — продолжал он, — я хочу на эти деньги купить какую-нибудь ферму, если только мне удастся найти свободную ферму, и заняться разведением молочного скота, если только я найду людей, которые согласятся мне продать коров...

В зале сразу стало тихо. На будущего фермера посмотрели с таким выражением, как смотрят на грузовик, случайно ворвавшийся в молитвенное баптистское собрание. Кое-кто высказал предположение, что это, вероятно, тот самый сумасшедший, который вчера сбежал из городской лечебницы.

— Вы это серьезно? — спросили хором будущего фермера сразу несколько человек. — Вы серьезно собираетесь покупать ферму и коров? Вы серьезно надеетесь получать от этого доход, достаточный для прожития? Но ведь на это так же нелепо рассчитывать, как на то, что Бриллиантовый Джонни, очистивший только что кассу этого банка, вернул бы обратно все взятое им оттуда...

И как раз в эту минуту за окном послышался приближающийся гул мощного автомобильного мотора. Потом хлопнула входная дверь, и в зал вошел Бриллиантовый Джонни, а за ним трое незнакомцев в масках и с чемоданами в руках. Не глядя на удивленных участников беседы, они подошли к кассе, раскрыли чемоданы и, не спеша, но и не мешкая, переложили все содержимое

чемоданов обратно в монументальную кассу банкирского дома Пирпонт Фью и Сын.

Когда все было кончено, Бриллиантовый Джонни повернулся к оцепеневшим от изумления собеседникам и явно смущенным голосом произнес:

— Согласитесь сами, джентльмены, мне нет никакого расчета забирать акции фирм, обанкротившихся или собирающихся в ближайшее время вылететь в трубу, и фермерские закладные, за которые никакой нормальный человек не будет платить дороже, чем за оберточную бумагу. Хорошо еще, что я заметил это в пути. С вашей стороны, сэр, — обратился он укоризненно к старшему кассиру, — было явно недобросовестно не сказать мне об этом в момент моего визита. Неужели у вас нет ничего более ценного? Ну, банкнот каких-нибудь, что ли?

— Мне казалось, сэр, что вы не были особенно настроены беседовать со мной, —

не без злорадства сказал старший кассир. — Что же касается банкнот, то ваш оставшийся здесь помощник не захотел уделить нескольких минут для переговоров по телефону с артельщиком федерального банка, который должен был их сюда привезти для расплаты с присутствующими здесь джентльменами.

Бриллиантовый Джонни посмотрел на своего неудачливого помощника таким многообещающим взглядом, что даже рыжему клэрку стало страшно.

После этого Бриллиантовый Джонни произнес перед всеми собравшимися небольшую речь. Он указал на то, как часто самые прекрасно организованные мероприятия его фирмы вылетают в трубу из-за всякого рода случайностей, вроде сегодняшних.

— Вот вы думаете, — продолжал он изливать свою душу перед слушателями, — вот вы думаете, нам, бандитам,

легко жить, а, между тем, учтите, какие поистине грабительские налоги я должен платить государству, прямо хоть бросай специальность. Видит бог, — сказал он, — мы не хотели трогать ничего, кроме кассы банка, но по воле божьей в кассе не оказалось в этот момент ни копейки денег и поэтому он, Бриллиантовый Джонни, надеется, что бог простит ему, если он попросит уважаемых джентльменов, знакомству с которыми он искренне рад, отдать ему, исключительно для оправдания расходов, связанных с его неудачной банковской операцией, свои бумажники, конечно, со всем содержимым.

И Бриллиантовый Джонни, извинившись еще раз перед собравшимися, предложил своим молодцам обыскать всех присутствующих.

Через пять минут в третий и последний раз за окном послышался шум машины Бриллиантового Джонни.

ЗАГАР

Игорь Строганов

Здесь гальки бунт
и грохот вод.
Прилив
моя усталость выпьет
там,
где, песок к себе зовет
улыбкой желтой, как Египет.

Так,
где беснуясь и звеня,
валы приходят пенным паром—
оденет солнце на меня
коричневый костюм загара.

Глотай
хрустящую жару,
как сталь, закаливая бедра,
чтобы к работе поутру
вернуться
выросшим
и бодрым!

Пусть
над плечом поет волна,
Пусть свежесть ветра—
в поры брызнет,
когда бурлит
моя страна
цветущей молодостью жизни—
Я солнце пью,
и воздух пью,
и телом льну
к приборам синим,
чтобы такому бытию
быть современником
и сыном.

ЧОХТО¹

Гамзат Цадасса

Народный поэт Дагестана

Не пролезет в эту дверь пришедший
гость,
Всех детей он в доме напугал.
Даже конь, взглянув на голову его,
Разорвав уздечку, ускакал.

Детям радость, если гость приходит
в дом.
Ну, а этот — нагоняет страх!
Видно, страшная приблизилась беда,
Если конь летит, взметая прах!

Как почтовый чемодан, стоит она—
Гостья-девочка в чохто большом.
Как палатка на базаре, высока
Девочка, покрытая платком.
Разве можно имя гостя не узнать?
Нет, у нас обычай не таков.

— Я хочу тебя подробно
расспросить—
Кто такая? Из каких краев?
— Я приехала по делу из Анди,
И знакомых здесь я не нашла.
Агураева, по имени Пати,
В этот дом сегодня забрела.

— Но меж нами нет секретов,
отвечай—
Ты еще мала, но почему
Не блестяще лицо, как свет луны,
Голова поникла? Не пойму.

— Голова моя склонилась
не спрост,
Не болезнь клонит ее — не тоска!
Отчего я так бела и так бледна,
Ты поймешь, взглянувши на чохто.

— Если ехала ты, гостья, через
Тлох,
Как же мост не рухнул под тобой?
Если мчалась на линейке, как же та
Довезла тебя в чохто живой?
Не озыбла ты, как видно, в Гортколо —
Воздух раскален там в летний день.

¹ Чохто — головной убор андиев, похож на огромную крылатую подушку.

А в Дангизе не вспотела ты, дитя?
Там всегда неуловима тень.

Помогали, видно, спутники тебе
И снимать, и надевать чохто.
Кто же дома помогает в час ночной?
Кто тебя укладывает, кто?

Из материи простой сошью чохто,
Легкое и новое, Пати!
Я платок свой невозможный развяжи,
Можешь им дорогу оплатить.

— Я обычаям всегда была верна.
И не в силах им я изменить,
Никогда того не сделаю Пати,
Что андийцев может оскорбить.

— Если ты своим обычаям верна,
Выслушай, прошу тебя, одно,—
Маиут саблями в Ружсабе каждый
год—

Так уж там у них заведено!
В Чохе есть еще обычай, но другой,—
Черному барану обвязав
Шею, ходят по полю, шумя,
Голося среди зеленых трав.

А в Мочохе был пастух один такой—
Умудрился скот свой перебить.
Инквалетинцы пытались — чудаки—
Мехом кузницы канал прорыть.

Это — глупые нелепицы и вздор,
Скинь ярмо обычаев, Пати.
И к науке обрати свой взор,
К новой жизни взор свой обрати!

— Нет, уж лучше умереть и в
землю лечь.

Я храню обычаи села!
Не хочу подруг своих я в грех вовлечь,
Понесу свой груз я, как несли.

Очень тяжело чохто носить, платок.
Оттого, быть может, я бледна.
И не скрою, справедлива речь твоя,
Но закону я подчинена.

— Разве умный станет мучиться и
ждать,
Прикрываясь этой жалкой болтовней?
Ты б сказала: — Пригодится мне
чохто

И платок большой, тяжелый мой...

ДЕЛО и МАСТЕР

Г. ЛАНДАУ

ВОДОПРОВОДЧИК Птицын позвонил у дверей инженера Орешина и сказал молодому женскому носу по другую сторону щели:

— Скажите, водопроводный мастер пришел — умывальник исправить.

— Вот и прекрасно! — воскликнула жена инженера Орешина и пропустила Птицына.

Птицын был пожилой человек с желтым лицом и укоризненным взглядом, который предупреждал: «По носу судить — всяк человек пьяница. Ты лучше в путь-доро смотри». Но изнутри Птицын также был пьяница.

— Показывайте, какие тут есть дела, — веско сказал Птицын молодой женщине и прошел следом за ней в ванную.

Жена Орешина взглянула на черные пальцы Птицына и пожалела, что она не закрыла чистые стены ванной газетами.

— Кран течет, — объяснила она, показывая на умывальную трубочку. —

Кап, кап, кап, — прямо на нервы действует.

— Да, это в квартире не жить, если уж кран течет, — сказал Птицын и плюнул в сверкающую белизной чашку. — И сифон, вижу, тоже у вас подгаживает. — Он снял полкапли с нижней сифонной пробки. — Сурик у вас найдется?

— Сурика у меня нет, — созналась Орешина. Что значит сурик, она не знала.

— Вот оно наше положение какое, — вздохнул Птицын.

Он посмотрел на Орешину с выражением сочувствия к ее нежной молодости, протекавшей при недостатке сурика.

— И кожи вы, знаю, тоже не держите, — скрывая упрек, проговорил Птицын. — И пакли у вас при себе нет.

Орешина, молча, склонила голову.

— Ничего у вас в доме нет, — безжалостно сказал Птицын.

Орешина вспомнила, как она радова-

лась новой обстановке и подумала, что главное в ней отсутствовало.

— А дело все-таки надо делать! — с неожиданной бодростью сказал Птицын и, пустив сильную струю, обрызгал себя и Орешину. — Похоже — за инструментом надо идти. Он у меня недалеко. — Он закурил зловонную папиросу.

— Без инструмента нельзя, — объяснил Птицын. — Рукой ничего не сделаешь. Пальцами пробки не вывернешь.

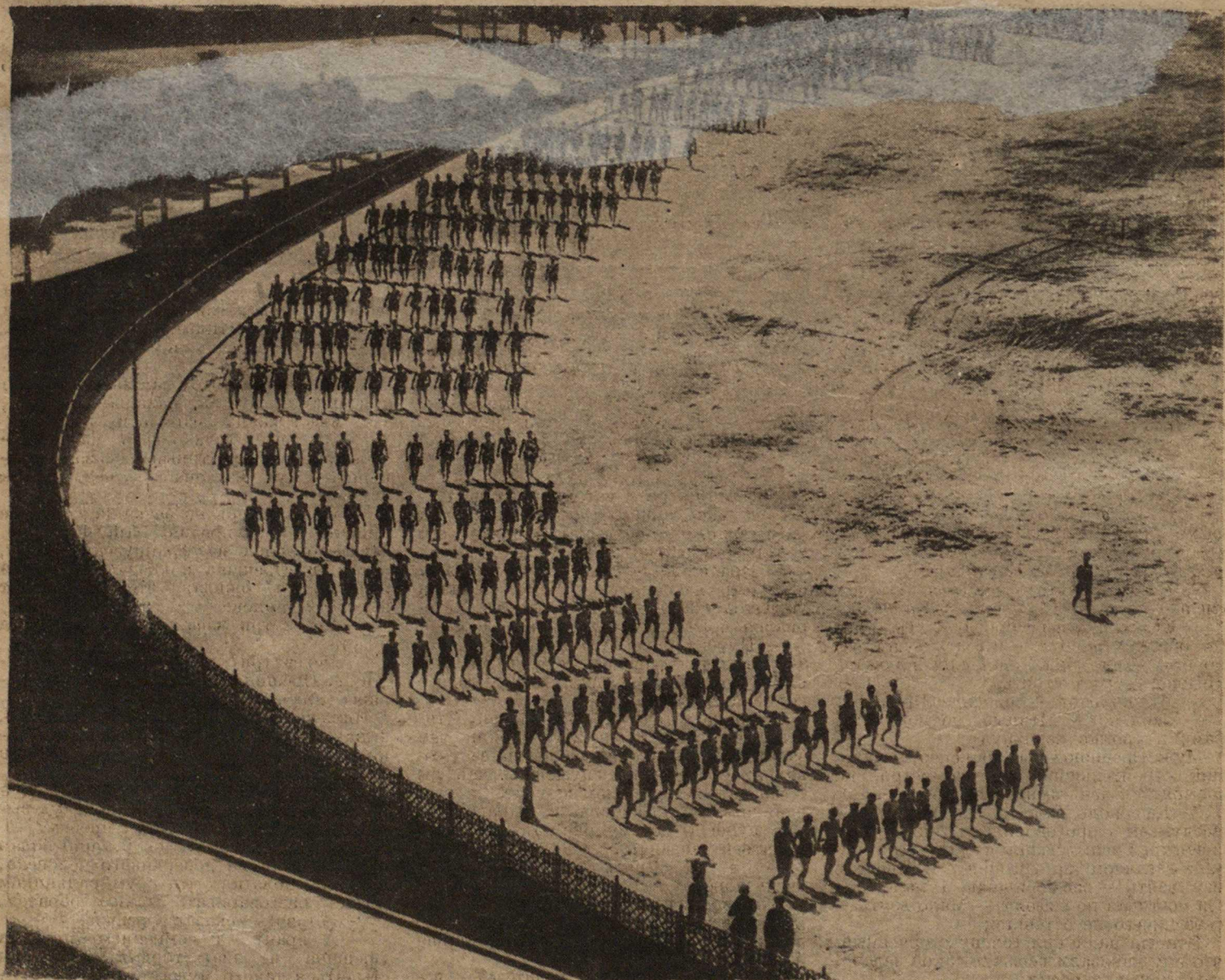
Орешина по опыту знала, что, например, без иголки не пришьешь пуговицы, и потому согласилась.

— Конечно, без инструмента нельзя, — сказала Орешина.

— Ну то-то и есть, — упрекнул Птицын.

Орешиной хотелось спросить, почему он, зная все это, пришел с пустыми руками, но она не решалась. Она терпеливо дождалась пока он докурит и, проводив его, открыла все форточки.

— Принес, — показывая на темный

Утренняя физкультурная зарядка красноармейцев

Фото А. Шайхета

Метание копья (студентка Высшего института физической культуры Нина Кузнецова)

Фото И. Шагина

французский ключ, — сообщил Птицын. — Больше чем полчаса бегал. — Он вытер рукавом лоб.

Орешина не поняла, почему Птицын бегал. Но она сделала вид, что ценит и решила ему за это приблизить.

— Вот мы ее чем возьмем, — показывая на гайку, посулил Птицын. Он влез на руку ключ, предоставляя судить о своей опытности, которая позволила ему остановиться на этой вени. — Раз гайка, — объяснил он, — то без французского ключа никак нельзя. Без французского ключа водопроводчик из дому не выходит.

Птицын присел на корточки.

— А сколько это будет стоить? — не смело спросила Орешина.

— Стоить? — переспросил Птицын. Он оборвал работу. — Стоить будет недорого. — Он снова наложил ключ. — Недорого будет стоить.

— А сколько? — спросила Орешина.

— Сколько? — Птицын почмокал губами и громко вздохнул.

Муж Орешинной был инженер, начальник строительного участка метро, но швырять деньгами ей не хотелось.

— Да сколько ж с вас взять? — с раздумьем проговорил Птицын. Он посмотрел испытующим и чуть-чуть горьким взглядом на Орешину. — Много с вас взять — вас обидишь, а мало... — Он постучал по сифону. — Мало взять — себе ничего не останется.

Птицын наклонил голову огорченный, что ему навязали решение такой задачи, и, наконец, спросил:

— Двенадцать рублей не тяжело будет?

— Ну, что вы! — испугалась Орешина.

Она подумала — рубль, два, ну, наконец, пять.

— Дорого, — смущенно сказала Орешина.

— Дорого! — вздохнул Птицын. — Он укоризненно, но вместе с тем понимающе, посмотрел на Орешину. — А что нынче не дорого?

Он с трудом выпрямился.

— Материалов у вас никаких нет? — нет. — У меня тоже нет. — Он показал на умывальник. — Значит, приходится его чинить так. Правильно?

— Правильно, — сказала Орешина и постаралась понять, почему починка умывальника без расхода на нее материалов должна была обойтись дорожке.

— Ну, вот, — с удовлетворением сказал Птицын, — значит, дешевле десятка никак нельзя. Выходит, мне выгоднее домой и ти.

Орешина хотела спросить, почему Птицыну выгоднее было идти домой, чем заработать несколько рублей на ее умывальнике, но она испугалась, как бы Птицын действительно не ушел, а умывальник, обрадовавшись, не закапал бы еще пуще. И потому она как можно деликатней сказала:

— Да, но десять рублей все-таки очень дорого.

В это время в передней хлопнула дверь, и в комнату вошел муж Орешинной, молодой человек лет на шесть старше жены.

— С чем вы еще тут возитесь? — весело спросил он, обратившись к жене и Птицыну.

— Да вот с умывальником вашим бьемся, — пригрозившись к засаженной кепке, сообщил Птицын. — Течет он у вас.

— Есть грех, — кивнул головой Орешин. И взял мыло, чтобы пойти вымыть руки на кухню. Потом так же беззаботно прибавил. — Ну, вы, папаша, кончайте, а то мне в ванну лезть надо.

— Мы еще только что начали, — объединяя себя и Птицына, сказала Орешина. — Тут материал нужен. Сурик и кожа.

— Кожки теперь ни за какие ссти не сыщете, — предупредил Птицын.

Он поглядел на французский ключ, потом на Орешину и сказал с твердой решимостью, ожидая, что тот оценит быстроту темпов:

— Через три часа в ванне купаться будете.

— Через три?! — разочарованно свистнул Орешин. — Ну-ка, давайте, папаша, ключик.

Инженер деликатно но счась проворно, вывинтил ключ из руки Птицына. Толкнул под сифон тазик, присел и быстро отвернул пробку.

— Есть, — сказал он, выпуская в таз жидкость. Всплеснул пробку, вытер седло и опять завинтил пробку.

Птицын покачал головой, приглашая полюбоваться на доверчивого человека, который полагал, что с умывальником можно разговаривать таким образом.

— Готово! — сказал Орешин.

— А кран? — с сомнением спросила Орешина, не зная гордиться ей или стыдиться такого мужа.

— Сейчас и кран, — спокойно сказал Орешин.

— Он отвинтил гайку, отрезал от кончика кушака маленький кусок кожи и, сделав прокладку, поставил гайку на место.

— Спасибо, — проговорил он, возвращая ключ Птицыну.

— Неужели все?! — удивилась Орешина.

Она посмотрела на укрошенный в течение пяти минут умывальник, потом на Птицына.

— Это уж как сказать, — загадочно сказал Птицын.

Он несколько раз повернул трубку умывальника в надежде, что тот опомнится. Но убедившись в предательстве, нагнул поглубже кепку и вышел из ванной.

— Если что-нибудь опять не заладится, кликните, — деловито проговорил Птицын, обращаясь к Орешине.

— Обязательно, обязательно, — поспешно сказала Орешина и выжидательно посмотрела на мужа.

— Сколько? — вытягивая кошелек, спросил инженер Орешин.

Он указал на умывальник.

— Да сколько же? — вяло ответил Птицын. — Вы инженер, работу вы сами видели. Теперь один инструмент держать чего стоит.

Он показал на ключ, как будто тот был уступленный им на сезон трактор.

— Ну, вот вам, папаша, и причитается, — сердчно сказал Орешин. — Трещины с вас довольно?

Птицын покачал головой, как человек, которого облапошили и, взяв бумажку, молча покинул комнату.

— Инженер! — хлопнув дверьми, проговорил Птицын. Он с отвращением взглянул на зажатую в кулаке трещину.

— Прежнему инженеру ключ в руки взять и то было совестно; ты там мудри, а он, как баран, стоит, под руку смотрит. Вот это был инженер! А это что?! Тыфу! — Трещины с вас довольно? — Птицын передразнил Орешина.

— Да я тебе, может, своих две трещины дам, чтобы ты звания своего инженерского не срамил, на глазах у людей гайки бы не вывертывал. — Откуда-то изпод ворот выскочил грязный мальчишка и, увидав в руке Птицына ключ, просительно закричал:

— Дяденька, одолжи ключ, у меня раковина засорилась! Мне только ревизию открыть.

Птицын ошпарил его налившимся кровью взглядом и цапнул было за шиворот. Но мальчуган скрылся.

— Вот я тебя! — погрозил кулаком Птицын.

Он посмотрел на стоявший по другую сторону улицы ларек Табакторга и разжал руку с бумажкой. Потом, крупно шагая, пересек улицу и, швырнув жесткую еще пальцы трещину, резко сказал:

— Папиросы «Футбол». На весю!

Прямо в глаза двали четкие буквы лозунга:

«Технику в массы».

ГОСТИ „ОГОНЬКА“

Детское кино

ФИЛЬМ «Рваные башмаки» заслуженно пользуется большим успехом в нашей стране. Автор и режиссер этой картины Маргарита Александровна Барская рассказала работникам редакции «Огонька» о работе детской студии и о своих творческих планах.

— Я очень рада быть гостем «Огонька» — говорит М. А. Барская. — У вас в гостях уже были люди промышленности, писатели, завоеватели Арктики, а теперь вот пришло детское киноискусство. Это значит, что наша работа стала в центр внимания общественности.

— Вместе со всей страной, со всеми органами советской власти, кинематография и ее руководство очень много сил и средств отдает детям. Значительно повышены производственные планы по детскому кино, увеличены лимиты пленки, ассигнованы большие средства. Все эти мероприятия направлены к тому, чтобы обеспечить в ближайшем будущем наибольшее развитие детской кинематографии. Одним из главнейших условий этого развития является накопление и рост новых кадров людей.

Первым шагом на этом пути является создание Московской Студии детского фильма при Главном управлении фотокинопромышленности.

Практика работы по детским фильмам показала, что основной причиной, мешающей быстрейшему развитию детского кино, является отсутствие людей, работников детского фильма. Это объясняется, во-первых, трудностью работы с детьми-актерами на обычной кинофабрике и, во-вторых, — отсутствием систематизированного метода работы.

Когда актером является ребенок, приходится приспосабливать производство к актеру, что очень затрудняет и ломает само производство. Всем понятно, что если корова стоит во дворе, а трава растет на крыше, то, чтобы накормить корову, не следует тащить ее на крышу, а надо траву принести к ней. А вот нам приходится тащить корову на крышу. То есть для производства детских фильмов, где участниками являются дети, надо создавать особую отдельную фабрику, приспособленную для детей.

Задача нашей студии, которая является аванпостом будущей фабрики, это

накопление, на основе производственной практики, теории и методологии этого дела. Студия должна в специальных условиях выяснить, что и как облегчает работу, найти обобщающие выводы, пригодные всем, а не одной какой-нибудь группе или режиссеру.

М. А. Барская

Мы намерены осуществлять нашу работу на широчайшем принципе «открытых дверей». Все детали нашей работы будут тщательно записываться, все «секреты» наших повседневных удач и неудач будут систематически сообщаться всем фабрикам Союза, где снимаются детские картины. Нам, в свою очередь, товарищи будут присылать свои выводы (мы уверены, что наладим это), и на основе такого систематического обмена опытом и сравнения результатов в различных условиях мы уверены, что в скором времени сможем притти к решению такой задачи, как создание большого промышленного предприятия.

Студия находится под непосредственным наблюдением руководителя кинопромышленности тов. Шумяцкого, по инициативе которого она и организована. Тов. Шумяцкий самым широким образом обеспечивает нам средства и помощь в этом новом и смелом начинании. Мы наметили за год выпустить две художественные звуковые детские картины. Но спустя два месяца после рождения, мы не можем развернуть работу из-за отсутствия специального помещения. Мы решили не строить пока своего помещения, так как это отложило бы начало работы на неопределенный срок. Тем более, что для начала нам нужно помещение в размере большого особняка. Но вот у нас до сих пор его нет и, надо сказать с обидой, что сочувствие нам выражают буквально все, а реальной помощи со стороны соответствующих организаций, к сожалению, нет.

Я рада возможности на страницах «Огонька» обратиться к широкой общественности. Нам должен помочь всякий, кто считает дело воспитания нашей смены своим личным делом, и я думаю, что среди читателей «Огонька» мы найдем не мало таких.

— Вас интересует вопрос о перспективах детской студии? Должна сказать: я человек пристрастный и в глубине души, попросту говоря, убеждена, что моя работа самая интересная на свете. И поусудите сами: работать в студии, у которой такие большие перспективы, да еще на одном из важнейших участков детского искусства — кино. И когда знаешь, что этот участок стоит в целой системе воспитания нового человека нашей родины, которая своими людьми и делами дает столько пищи для творчества и столько сил и охоты к работе!

Сейчас я работаю по подготовке сценария. Один сценарий об участии ребят в строительстве новой жизни в колхозе пишет детский писатель Замчалов. Другой сценарий — о школе, советской системе воспитания, об «отцах и детях» — задуман мной. Моя съемочная бригада уже проводит работу с детьми, которая должна лечь в основу подготовки к съемкам. Эта работа для самих работников является школой обучения специальным навыкам в работе с ребенком и изучения самого ребенка, что постепенно вырабатывает из них специалистов этого нового и интересного дела.

На штурм горных вершин

— Я ЛЮБЛЮ горы с детства. Начал я свои «горные экскурсии» с Воробьевых гор. Я хорошо их изучил. Но я хотел видеть настоящие горы. Еще будучи студентом, я сколачивал коллектив для поездки на Алтай.

В 1932 году, по окончании Института, мне с группой товарищей удалось побывать в Крыму. Мы были не плохо тренированы. Все лыжники.

— В чем заключалась ваша тренировка?

— Летом я занимался легкой атлетикой и частично гимнастикой. Зимой — гимнастикой и лыжами. Участвовал в легкоатлетических и лыжных соревнованиях, в эстафете «Комсомольская Правда», во Всесоюзной спартакиаде Вузов Наркомзема СССР. Мы решили провести любовой подъем на вершину горы Ай-Петри.

— Вы, конечно, немного расскажете об этом походе?

— Каждому туристу интересно рассказать о своем первом походе... Ай-Петри мы решили взять штурмом, применив быстрый темп восхождения. Но горы обманчивы, они крадут расстояние. К началу темноты тропа привела нас к скалистому основанию зубцов. Решили сделать ночлег и расположились за большими камнями и деревьями. Перед походом мы не рассчитывали на ночлег, поэтому не взяли с собой теплых вещей, а ночью было очень холодно. На рассвете мы посмотрели на пройденный путь, и нам показалось, что легче было идти вверх, чем спускаться вниз. Несмотря на утомление, ни у кого из участников не было и мысли — вернуться назад. Через полтора часа мы были на зубцах. Было холодно. Дул ветер, он продувал нас насквозь и забирал последнее тепло. Мы старались сесть плотнее, защищая друг друга от ветра. Каждый из нас думал — почему нельзя подняться

еще выше и увидеть еще больше. Но это было невозможно — мы находились на вершине...

— Больше вы на Ай-Петри не были?

— Был! — В 1934 году я совершил

В. Есин

подъем со стороны Ялты, с группой отдыхающих, подъем был легкий, хотя мы шли ночью, на ощупь.

— Сейчас вы едете на Алтай?

— Да! Я еду с группой преподавателей нашего института, где я сейчас работаю ассистентом. Мы выбрали маршрут интересный и, пожалуй, наиболее трудный.

— Почему вы выбрали именно Алтай?

— На Алтай нас тянет красота, разнообразие и даже дикость природы. Если вы находитесь продолжительное время среди хребтов, вершин или плоскогорий, или, например, на воде, то вы скоро утомляетесь. Совсем другое дело, если вы последовательно проходите через долины цветов, лесные чащи, ледники и вершины гор. Мы хотим изучить бытчан населения Алтая, рост его культуры, познакомиться с богатством этого замечательного края и отдохнуть.

— Вы можете рассказать немного о маршруте?

— 26 июня мы выезжаем из Москвы по железной дороге и 30 июня прибываем в Бийск. Участок Бийск — Катанда, протяжением 388 километров, мы покрываем на автомашине по Чуйскому тракту. Затем по долинам и перевалам, пересекая горные реки, мимо озер, мы пешком поднимаемся по леднику Ральцзевид, на вершину Белухи. После спуска мы направляемся на восток, к руслу реки Чулышман, проходим через Аргутскую коммуну, устье реки Чуи, озеро Чейбек-Коль, Ян-Улаган, реку Чумумок, Мишан, затем идем по долине реки Чулышман, через семь бумов, образуемых ею при пересечении хребтов, — до Телецкого озера. По Телецкому озеру едем на лодке, по реке Бия возвращаемся в Бийск на плотах, и по железной дороге в Москву. Протяжение всего маршрута 1100 километров, из них: на автомашине 428 километров, на лодках 78 километров, на плотах 242 километра и пешком 352 километра.

— Вы хорошо подготовились?

— Наша группа готовилась к этому путешествию пять месяцев.

— На этом Виктор Васильевич Есин, гость «Огонька», закончил свой рассказ. Мы приветствуем нашего гостя и желаем ему счастливого пути в замечательный край нашей любимой, великой родины.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Е. Цигальницкий

Я расскажу, как в горах Дагестана, там, где аул старинный и кладбище должны были взорвать, когда вода должна была войти в канал проры-

тый
и мрачное ущелье осветить, —
как с дальних гор сюда пришли

давята,
как схоронились ночью у плотины,
как инженер погиб, и этой ночью
отдать последний долг мы собрались,
его почетным караулом окружив.

Мы видели, как жизнь покидала
не знавшего в борьбе препятствий,
не знавшего усталости в работе,
как застывала в этом теле кровь.

Но нам не смерть страшна была,
а сам он, раскинувший беспомощные
руки.

Нам непривычно было онемевшим
его смотреть и голоса не слышать.

И это было страшно: незнакомым,
чужим теперь лежал он перед нами.
Но смерти не было. С гор водопады,
им собранные, подошли к плотине, —
они, в канал врываясь, превращали
бесплодные сухие земли

в цветущие сады, пред ними
пустыни отступали, в джунглях
болота сохли, оставляли дно
моря, на недоступных горах

мосты вставали и дороги, — это
и было продолженьем его жизни,
и смертью, и бессмертием его,

Но тело бездыханное, как знамя,
мы, поднимая высоко, проносим.

И нам обидно то, что изменила
нам близкий облик смерть...

Но разве умер он, когда к плотине
идут весной тающие льды?

Так пусть воздвигнутая на утесах
электростанция тот облик воплотит.

МЕЧТА

Я. Кейхауз

Бушуют лужи. Через двор
Летит белье, как флаги.
Весенний мальчик правит в шторм
Кораблик из бумаги.

У навигатора дыра
В молочном зубе, сади —
Дыра в штанах и кожура
Засохших с грязью садин.

Но что за счастье перед ним!
Все больше в солнце жара,
Все ярче синий звездный нимб
Вокруг земного шара.

Пять океанов перед ним
В гремящем колыханьи;
И нет земли, и нет родни,
И нет иных желаний.

Он сплюнет старый клык с диплом,
Он скинет брюки с латкой,
Он навигаторский диплом
Прорежет накрест складкой.

Мелькнет весенний клин гусей,
А он — уж бородастый —
Сведет суда на Енисей
Иль там еще куда-то,

Аэролюб ЦН Союза работников авиационной промышленности организовал в Москве массовку. Учасники ее провели выходной день в подмосковной местности Быково, отдыхая в велени парна, катаясь на лодках и т. д.
На снимке: студенты Московского авиационного техникума отдыхают на берегу пруда

Фото Б. Филкина (Союзфото)

Несколько художественных выставок. В Ленинграде — «Весенняя выставка». В Москве — выставка московских живописцев. Есть на что посмотреть. Есть над чем подумать.

Однако, вместо частных оценок хочется поделиться организационными соображениями. Нам кажется, что картинные выставки надо бы «разукрупнить».

При существующей системе массового показа полотен усвоение картин стоит на весьма низком уровне. Посмотрите, с какими усталыми, рассеянными, задерганными лицами обегают залы Третьяковки и других музеев всевозможные экскурсии. Барабанная дробь гидовских объяснений ничем не может помочь: еле-еле входят в сознание наиболее знаменитые картины, которых нельзя не помнить. Убийство сына Иваном Грозным — это помнить полагается. Еще несколько картин. А по остальным можно скользнуть взглядом и — дальше. Все равно в голове — живописная яичница.

Будем надеяться, что со временем живописные выставки будут у нас разбросаны в большом количестве по городу, в небольших светлых помещениях, рассчитанных на несколько десятков полотен, одинаково освещенных, хорошо подобранных.

Зайдите, садитесь и смотрите, сколько угодно. Опыты выставки картин в витринах (что практикуется у нас по праздникам) имеют огромный успех.

Но пока мы ходим на большие скопища картин по традиции, перешедшей к нам от царей, магнатов, богачей, державших картины и ценности в своих закрытых погребах и галереях.

К счастью, весенняя ленинградская выставка не так велика. Освоить можно, особенно если зритель привычен. Чем она отличается от московской?

Знакомый художник не без проники объясняет, что ленинградская выставка в некотором отношении лучше, чище, старательнее, «честнее».

Почему?

Потому что в Ленинграде как-будто меньше покупают, нежели в Москве, и поэтому «некуда спешить» и «гнать лошадей». Есть достаточно времени, чтобы над картиной больше работать, больше ее вынашивать, больше ее обдумывать, в то время как в Москве нужно проявлять больше прыти, ибо члены закупочных комиссий обычно ждать не любят.

Это не может не отразиться на качестве и на содержании. В Москве поэтому больше «актуальных» тем, которые, к сожалению, находятся в разрыве с качеством.

Между тем живописи, как и другим видам искусства, у нас предстоит великое будущее. Нет в мире страны, где художник был бы поставлен в такие условия работы, как в нашей стране — точно так же, как и писатель, как и представители других искусств.

Едут многочисленные бригады, пишут, рисуют — страна кипит разнообразием, неисчерпаемыми запасами тем — новых, острых, изумительных!

Но в живописи еще не ощущается в должной мере этот неугасимый, неисчерпаемый источник, а именно: наша жизнь, наша страна, наше социалистическое строительство.

Живописцы подражают пристрастным мастерам. Друг другу.

В Ленинграде, правда, в отдельных случаях, но, к сожалению, этих «отдельных случаев» не мало — подражают тому или иному французу — почему-то уличный пейзаж надо писать обязательно под Марке с чередованием его плотных черных и белых полос, с

ЗАМЕТКИ

изображением его дыма, его неба, его домов. Марке — прекрасный художник, но ведь Ленинград переполнен новыми жанрами, новыми стилями, новыми красками... И такими острыми, оригинальными!

Ведь ленинградские, как и московские, как и многие другие улицы, площади просеяты на полотна, подкашивают новые тона, подкашивают невиданные формы, невиданные краски...

Выставка московских живописцев

«Сентябрьское утро в Арпене» (Ирым)

Картина художника И. Машкова

Прекрасен Лувр, изумителен Люксембургский музей, но в нем нет оценок и очень многих сюжетов, построений, манер, звучаний красочных ситуаций, тем, подходов и образов!

Это может быть у нас, это будет у нас, это отчасти уже прорывается в нашей живописи — есть ведь уже много прекрасных полотен и прекрасных художников.

Но если говорить прямо, их должно быть больше. Пора.

Подражают не только французам или итальянцам. Подражают друг другу. Если есть в Москве Лабас, то свинцовые примочки его неба не дают покоя его ленинградским эгигонам. Примочки размазываются, и вот готов свой ленинградский «лабасин». Великое достижение!

Между тем, повторяем, ведь нельзя пройти по улице любого города, чтобы перед глазами не расстились новые, новые, новые могучие образы людей, домов, жилищ, движения, труда, радости — бесконечной и неизбежной.

Была у нас выставка: «Советская живопись за 15 лет». На ней было много хорошего. Об этом писали. Повторяться не стоит. Новые выставки московских и ленинградских живописцев содержат тоже немало интересных, ярких полотен.

Но основное чувство, какое вызывают они у зрителя, это чувство недостаточности.

Можно сделать больше. Необходимо сделать больше.

И тут опять идут на ум организационные соображения. Как пишут у нас художники? Как работают? Как организовано «рабочее место»?

Это вопрос новый и, надо сказать, рабоче место никак не организовано.

Только портретисты, и то далеко не во всех случаях, имеют возможность посадить или поставить свою натуру и писать. Все остальное зависит от случайностей. Пишут, обычно, из окон, «от знакомых», из гостиниц, с балконов. Точки зрения случайные, часто не обоснованные, налагающие нередко печать дилетантизма на самую обоснованную тему.

Ни одна страна в мире, повторяем, не уделяет столько внимания искусству, в том числе и живописи, как советская. Но если на улице города или колхоза, или на стройке появляется живописец с мольбертом и холстом, если он устанавливает мольберт и пишет, — ему мешают работать, его работа считается странной, она вызывает удивление, и «на месте происшествия» появляется администрация и т. д.

Посмотрите внимательно эти две выставки, где выставлено столько полотен и зрелых мастеров, и молодых, и самоучек. Не будем говорить о качестве. Есть прекрасные полотна, есть средние и есть плохие. Но многое плохое — от организационной неустойчивости, от случайно выбранного штатпункта. Совершенно отчетливо видно, что объект руководил художником, а не художник объектом.

Это пока типичное положение. Художник должен работать из-за угла. Многочисленные бригады, отправляемые во все концы Союза, пишут с балконов, из окон. Фотографы уже давно завоевали себе право повсеместного фиксирования жизни. Они снимают в упор вождей, они проникают на самые торжественные заседания, на парады, во все цеха всех производств.

Но художника, расставившего мольберт на улице Москвы, Ленинграда или другого города, — пока еще не видно.

Между тем, неисчислимо, неслыханное богатство — богатство рождения нового, нескончаемая живонись радости и счастья таится в каждом шаге наших будней. Новый мир рождается неисчислимым количеством рождений. На всех перекрестках наших улиц, наших душ, наших дел и наших мыслей. Плохие писатели и художники, которые не исходят в своем творчестве от подлинной гущи нашей жизни. Разумеется, речь идет не о копировании и не о натурализме — речь идет о социалистическом реализме, который невозможен без глубокого непосредственного восторженного и свободного изучения нашей жизни.

Художник с расставленным мольбертом и холстом, с ящиком красок и кистью в руках — должен стать популярной фигурой.

Мы должны бережно обходить его, уважать его, не мешать ему праздным любопытством, административными пидирками.

Живопись, как и все другие виды советского искусства, ждет еще больше, все растущий расцвет. От многих условий зависят ее успехи. Смешно говорить о выборе места для создания картины, как о чем-то решающем. Конечно, это не есть решающее условие.

Но две последние выставки, как и многие предыдущие, показывают, что выбор тем, сюжетов, положений и панорам будет во много раз богаче, если художник не будет писать с балконов и окон, по памяти, по фотоснимкам и зарисовкам.

Повторяем, это не самое решающее условие, но одно из существенных. Может быть, художественным организациям стоило бы попробовать завести особые автобусы-мастерские со стеклянной крышей, с обилием света, чтобы такой автобус мог останавливаться, где угодно, и чтобы художники, находясь в нем, работали? Может быть, что-либо другое?

Во всяком случае, соображение об организации рабочего места для художника настойчиво занимает сознание при ознакомлении с большинством картин последних выставок.

Москва — порт пяти морей

Н. ГРИГОРЬЕВ

МНОГО столетий назад дорога на Восток к Волге и Каспию шла по лесистым землям средней России. Кратчайший путь лежал через Москва-реку.

На ней-то в 1158 году и облюбовал место для вновь строящегося города Суздальский князь Юрий.

«Взиде князь и обзре очами своими обе стороны Москва-реки и Неглинной,— говорит старинная летопись,— и возлюбя место сие, повелел строить город и назвал его Москвой».

Благодаря своему на редкость выгодному положению, город рос и приобретал все большее и большее значение.

Вниз по реке плыли караваны судов и, забирая груз, возвращались назад волоком. Сотни бурлаков, накинув на плечи лямку, тянули тяжелые нагруженные до отказа струги.

В 1635 году по Москва-реке отправилось водным путем в Иран посольство великого герцога Гольштинского, во главе с Адамом Олеариумом.

Прошли века, и на смену лошадиной тяге и бурлацкой лямке пришел паровой двигатель: в 1860 году Москва-река была шлюзована, и по ней поплыли первые пароходы.

Грузооборот Москва-реки увеличивается с каждым годом. Для непрерывно растущего населения города сейчас уже начинается нехватка питьевой воды.

Теперешняя обмелевшая Москва-река не в силах разгрузить железнодорожного узла. Не может она также и обеспечить полностью водой население Москвы.

Выход один: нужно сделать Москва-реку многоводной, нужно пустить в нее волжскую воду.

О соединении Москва-реки с Волгой думали и раньше. Первая попытка была сделана в XVIII столетии Петром I, задумавшим перебрасывать водным путем войска и снаряжение к верховьям Волги, лежавшим вблизи театра войны со шведами.

Вторично за соединение Москва-реки с Волгой взялись в 1825 году. От произведенных тогда работ по сооружению канала до сих пор еще уцелели развалины шлюзов и большое водохранилище около станции «Подсолнечная», называемое Сенежским озером.

То, что было не по силам царской России, оказалось по плечу большевикам. В июле 1931 года пленум ЦК ВКП(б) принял решение построить канал Москва—Волга.

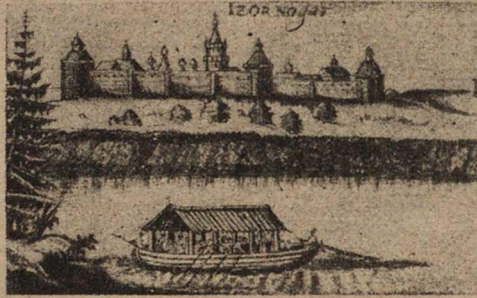
Имея 128 километров в длину, канал Москва—Волга явится одним из величайших в мире (Панамский канал имеет

протяжение 88 километров, Суэцкий—110 километров). Глубина канала составляет 5—7 метров, ширина—54 метра.

Размеры канала дадут возможность проходить через него крупнейшим речным судам вплоть до 4-палубных лайнеров и металлических наливных барж, грузоподъемностью в 18 тысяч тонн.

Весь канал будет закончен и поступит в эксплуатацию к 1937 году.

С постройкой канала Москва—Волга получится глубоководный путь от нашей столицы через Волгу до Каспия и через Волго-Донский канал до Азовского моря.

Путешествие по Москва-реке посольства герцога Гольштинского, во главе с Адамом Олеариумом (1635 г.)

Такой же путь будет идти по Волге и каналам в Онежское озеро, соединяющееся с Балтийским и Белым морями. Москва станет портом пяти морей, и в нее устремятся потоки химического сырья, строительных материалов и, в первую голову, леса с Волги и Белой.

Сухопутная Москва станет Москвой водной, первоклассным портом, могущим принять сотни крупнейших судов.

По течению Москва-реки от Филей до Нижних Котлов будет разбросан ряд механизированных гаваней с пакгаузами, складами и подъездными путями.

У пристаней вырастут речные вокзалы, над проектами которых уже сейчас работают лучшие наши архитекторы.

Ряд мостов на Москва-реке будут перестроены с таким расчетом, чтобы под ними могли проходить крупнейшие речные суда.

Для сокращения пути будет прорыт канал, который пересечет «цетлю», делаемую Москва-рекой между Воробьевыми горами и Даниловским мостом. Ряд других каналов будет проведен в обход пристаней и портовых сооружений.

В 1937 году Волга потечет у стен Кремля. Уровень воды в Москва-реке достигнет пяти метров (сейчас он составляет всего лишь два метра).

Мутная и воночая Яуза станет снова судоходной рекой, как два с половиной столетия назад. Ряд каналов соединит верховье Яузы с Сокольническими прудами, и речные трамваи будут ходить от Устинского моста до Сокольников и Богородска.

В Москве будущего водные пути явятся как бы дополнением к метрополитену, и научная часть Освода уже сейчас занята конструированием новых типов речных судов, предназначенных как для перевозки пассажиров, так и для спорта.

— Мы уже сдали моторно-лодочному тресту вполне законченную конструкцию быстроходных моторных катеров и водных такси,— говорит начальник Научно-технического сектора Освода — инженер Дмитриев,— в результате четырехлетней работы мы создали тип глиссера, вполне пригодного для Москва-реки. В зависимости от установленного на нем мотора, глиссер этот будет поднимать от четырех до сорока пассажиров и развивать скорость от 40 до 90 километров в час.

Переконструирован нами также и ряд применяемых за границей для речного спорта водных велосипедов, водных мотоциклов, установленных на поплавки, и складных лодок.

«Лондон живет Темзой, Сена украшает Париж,— писал четверть века назад французский журналист Луи Надо,— древнерусской столице нехватает красивой многоводной реки».

Из протекающей сейчас через Москву реки того же имени при желании и затрате средств можно было бы сделать многое...

Но русские так инертны. Дореволюционная царская Россия была действительно инертной и близорукой. Выжимая семь потов у рабочего, русские капиталисты не хотели да и не умели использовать природные богатства.

После революции все изменилось коренным образом.

Очередь дошла и до Москва-реки. Через два года она будет украшать пролетарскую столицу не хуже, чем Сена Париж.

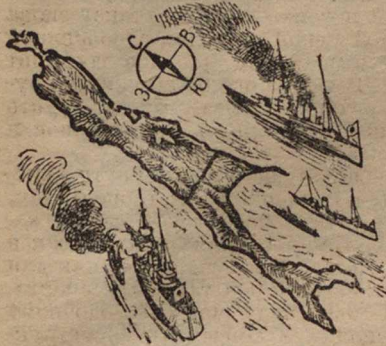
К московским пристаням станут подходить четырехпалубные лайнеры, совершенно такие, как плавают по Миссисипи.

Все это москвичи увидят в 1937 году, когда Волга потечет у стен Кремля.

„Глобус“

ИГРА читателей „ОГОНЬКА“

Составил С. Глязер Рис. Л. Смехова

1. Нефтяные богатства, уголь, ценный пушной зверь и, наконец, неисчерпаемые рыбные богатства, находящиеся в районе этого острова, давно разжигали аппетиты японских империалистов, которые, воспользовавшись революцией в России, захватили часть острова, принадлежавшего нашей стране. Какой это остров, когда он снова стал советским и как называется его японская часть?

2. В японском земледелии не пользуются машинами и животными, их заменяет дешевый человеческий труд. Жуткие условия работы, полуголодное существование вызвали в 1918 г. стихийное движение японских крестьян и рабочих. Это восстание, всколыхнувшее всю страну, было подавлено с невероятной жестокостью. Сотни рабочих были казнены. Под каким именем вошло в историю это восстание?

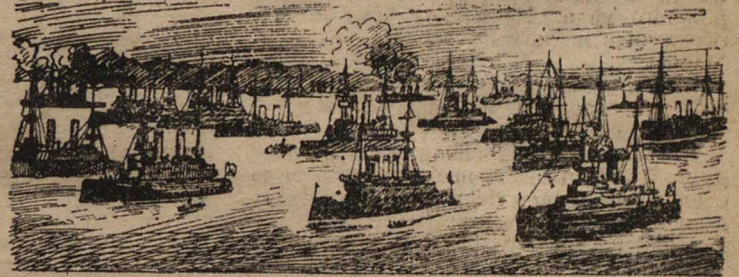
3. Революционное движение японского пролетариата и крестьянства связано с именем этого коммуниста, крупного политического деятеля. Во время русско-японской войны в 1904 г. он демонстративно выступил за сближение русского и японского пролетариата. В последние годы своей жизни был членом ИГКИ и заместителем председателя Исполкома МОПР. Назовите его имя.

4. Этот вулкан — самая высокая точка Японских островов — склоны которого покрыты роскошной растительностью, а вершина погребена под снегом — является любимым сюжетом японской живописи. Назовите этот вулкан и остров, на котором он расположен.

5. В Японии, еще в средние века, выделялось военное сословие. Воины были очень искусны в стрельбе из лука и в рубке мечом. Они считали военное ремесло единственным достойным благородного человека. Современные японские милитаристы, сменив лук и меч на бомбовозы, автоматические орудия, крейсера и танки, с гордостью говорят о своих предках. Под каким именем вошли в историю японские рыцари?

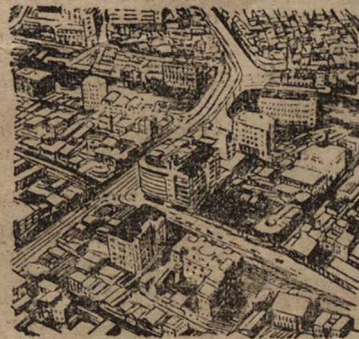
6. Один из наиболее кровавых военных эпизодов разыгрался в Корейском проливе. В этом бою погиб весь флот царской России. Прекрасно технически вооруженные японцы победили бездарных царских генералов, ухлопавших миллионы рублей на позорную войну. Под каким именем вошел в историю этот бой, когда он проходил и кто из советских писателей художественно отобразил это событие?

7. Япония стала известна европейцам только с XVI века. До этого о ней знали по книгам, которые оставил знаменитый итальянский путешественник, посвятивший 24 года своей жизни изучению стран Азии. Но только через 300 лет первые европейцы смогли проникнуть в эту неведомую страну. Кто этот итальянский путешественник и когда он жил?

8. В этом стариннейшем из театров Японии все, даже женские роли исполняются мужчинами. Наряду с классическими вещами в его репертуаре, большое место занимают бытовые драмы, балетные пантомимы. По своим формальным достижениям стоит на большой высоте. Что это за театр и когда он был в СССР?

9. Буржуазные писатели, в погоне за экзотикой, скрывали безработицу, проституцию нищету этого города, где, наряду с новой техникой, сохранились средневековые пережитки. Там, нередко рядом с автомобилем можно видеть задыхающегося человека — лошадь-рикшу. Как называется столица Японии, на какой реке она стоит?

ОТВЕТЫ НА СЕДЬМУЮ СЕРИЮ СССР

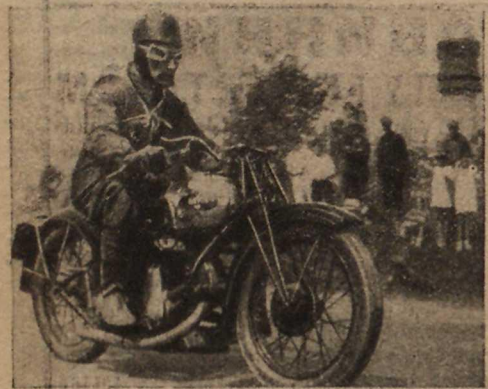
1. Н. А. Евдокимов, К. Ф. Каитанов, Л. Г. Минов, Н. А. Камнева, В. Ф. Федорова, В. Н. Евсеев.
2. Пик Сталина, на Камиве, 7455 метров. Его взяли — Е. Абаляков и Горбунов в 1933 г.
3. В 1932 году ледокол „Сибиряков“, командовал судном Воронин, экспедицию возглавлял О. Ю. Шмидт.
4. Игарка, на реке Енисее, в 1928 г.
5. На Кольском полуострове, именем С. М. Кирова — Кировск.
6. Уральский завод тяжелого машиностроения в Свердловской области, имени Серго Орджоникидзе, в 1933 г.
7. К Чувашия, Горьковский край.
8. Алексей Николаевич Бах Химический Институт им. Карпова и Биохимический институт Наркомздрава его имени.
9. Лена — 4600 километров, Обь — 4347, Енисей — 4010, Волга — 3587, Амур — 2870 километров.

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

В чеховские дни в Таганроге состоялось открытие памятника А. П. Чехову возле домика, в котором жил писатель.

Фото Икара

В Москве на шоссе энтузиастов состоялись мотоциклетные гонки. Победил тов. Ивлев („Динамо“), прошедший дистанцию в 100 километров в 57 минут. На снимке: один из моментов гонок.

Фото Батя

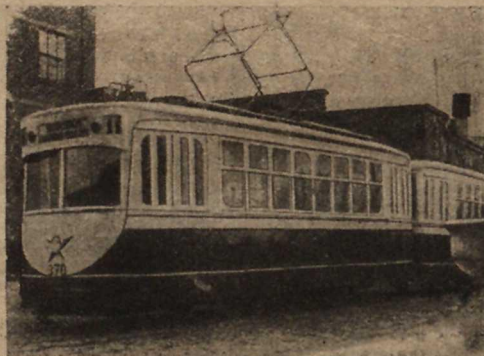
18 литров молока дает в день корова „Партизанка“ на ферме Балаклеевского отделения Смолянского свеклосовхоза (Киевской области). За хорошее содержание скота на ферме старшая доярка — комсомолка Паша Лихолай премирована Всесоюзной конкурсной комиссией ЦК ВЛКСМ. На снимке: Паша Лихолай со своей любимицей-рекордисткой „Партизанкой“.

Фото Свидела

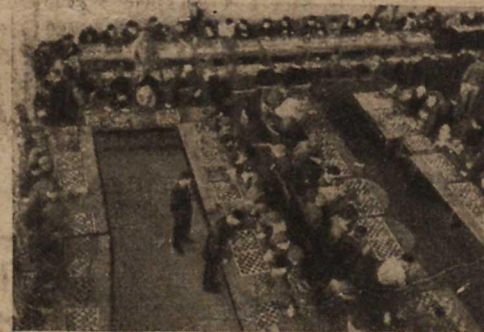

Москву посетила делегация чехословацкой военной авиации во главе с начальником авиации генералом Файфром. Делегация ознакомилась с состоянием советской авиации и осмотрела Москву. На снимке (справа налево): ген. Файфр у микрофона на Центральном аэродроме, начальник воздушных сил РККА тов. Алкснис и начальник управления гражданского воздушного флота СССР т. Ткачев

Фото Кудярова

Харьковский трамвайный трест выпустил на линию усовершенствованный двухвагонный трамвайный состав. Вагоны комфортабельно оборудованы мягкими сиденьями, имеют широкие двойные двери, автоматически закрывающиеся после сигнала к отправлению. Ночью ступеньки вагонов освещаются. Вагоны оборудованы вентиляцией и электрическим отоплением. Колеса снабжены резиновыми прокладками, уменьшающими шум. Фото Сапожникова

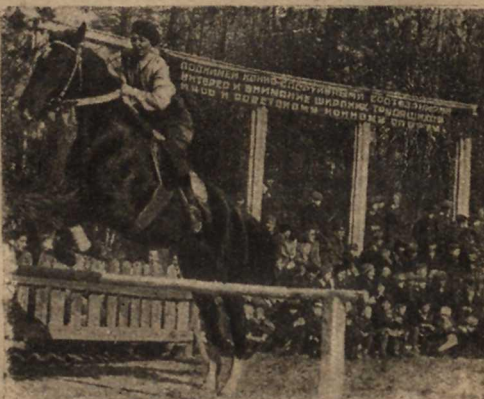
Массовый сеанс игры в шахматы одновременно на 500 досках состоялся в Центральном парке культуры и отдыха (Москва). Играли мастера: Белавенец, Григорьев, Дуз-Хотимирский, Кан, Панов, Рабинович, Рюмин, Юдович и др.

Фото Маркова

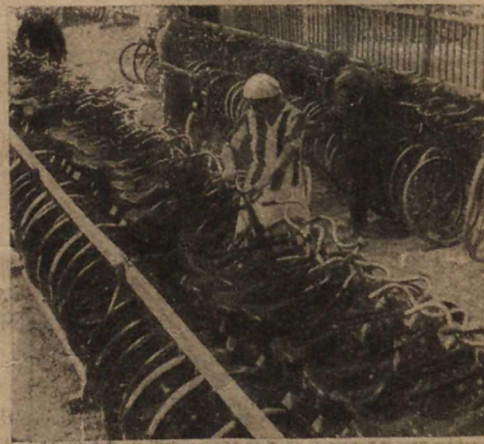
Первый полярный театр сформирован Политуправлением Северного морского пути для обслуживания зимовщиков, промысловых охотников, лесорубов Крайнего Севера. В труппу вошли талантливые молодые актеры московских театров. На снимке: артисты полярного театра перед отъездом в Арктику.

Фото Фишмана

Конный спорт с каждым годом все больше внедряется в физкультурную подготовку трудящихся. На снимке: конно-спортивные выступления школы верховой езды Московского городского Совета Осоавиахима на открытии Измайловского парка культуры и отдыха им. Сталина.

Фото Свидела

В Зыбском гидропарке (Баку), куда ежедневно приезжают на своих велосипедах сотни трудящихся, устроена специальная стоянка велосипедов, где каждый может оставить на хранение свою веломашину.

Фото Шенцова

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1936 год

ЗА РУБЕЖОМ

ежедекадный журнал-газета под редакцией М. ГОРЬКОГО и Мих. КОЛЬЦОВА

При помощи всех видов живописи и наглядного литературного и иллюстративного материала, очерков, статей, фельетонов, писем, подборок, отдельных заметок и сообщений, рисунков, портретов, карикатур из иностранной прессы журнал-газета „ЗА РУБЕЖОМ“ знакомит десятки тысяч советских читателей с политической, экономической, культурной, бытом, наукой, техникой литературой и искусством Западной и Восточной Европы.

В ЖУРНАЛЕ-ГАЗЕТЕ. Пропагандист, агитатор, профсоюзный и комсомольский активист найдут огромный фактический материал для оживления доклада, беседы, на международные темы.

Инженер, квалифицированный рабочий, техник — обширные сведения о состоянии техники и науки за рубежом.

Узлов, рабфаковцев, учащийся старших классов десятилетки прочтут о жизни молодежи, познакомятся с образцами современной зарубежной художественной литературы, почеркнут интересные популярные научно-технические сведения.

Работник печати сумеет проследить, как действует курия буржуазной прессы, как дерется печать коммунистической партии.

Командир, политработник, красноармеец найдут сведения о современном состоянии вооруженных сил буржуазии, о повседневной жизни зарубежных армий.

ПОДПИШНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—30 р., 6 мес.—15 р., 3 мес.—7 р. 50 к.

Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединением, инструкторами и уполномоченными Жургаза, повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ

Ввиду перевода АКАДЕМИИ НАУК СССР из Ленинграда в Москву **МЕТЕОРИТНЫЙ** отдел Ломоносовского Института просит СВОИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ-НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

ВСЕ СООБЩЕНИЯ О МЕТЕОРИТАХ, БОЛИДАХ (огненных шарах) и крупных МЕТЕОРАХ (падающих звездах)

направлять по адресу:

Москва, 17, Старомонетный переулок дом № 35, Ломоносовский Институт Академии Наук СССР **МЕТЕОРИТНОМУ ОТДЕЛУ.**

ВАЖНО

для районных организаций, колхозов, совхозов, МТС, советов, школ, вузов.

ПОСЫЛКА № 21

Канцелярские и писчебумажные товары: Бумага писчая, рабочая, блокноты, перья, карандаши, папки, линейка для исчисления сделанных расценок проф. Готмана и другие товары.

Высылает почтой стандартными посылками по получении 40 руб. (сорок)

ВАЖНО

для фотолюбителей, фотокоробов, селькоробов, фотокружков, изб-читален, совхозов, колхозов.

ПОСЫЛКА № 10

Фото-аппарат „Арифо“ 9 x 12, объектив „Анастигмат“, светосила 1:6, 3, кассеты, бумага, пластинки, статьи.

Высылает почтой по получении 250 руб. (две-сти пятьдесят).

ПОСЫЛКА № 10а

Фото-аппарат „ЗОМП“ фотокор № 1 9:12, светосила 1:4, 5, кассеты, бумага

Высылает почтой по получении 300 руб. (триста) — Универмаг культтоваров № 323. Ленинград, 11, Гостиный двор, Садовая линия, помещ. № 67—69.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ „НАШ ЦЕХ“

Сост. проф. Я. И. ПЕРЕЛЬМАН, худож. В. М. КОПАШЕВИЧ и др.

В замечательной и легкой форме книга рассказывает, как самостоятельно готовить игрушки дома, в школе, в клубе, в клубе, от самых элементарных до моделей сложных машин (автомобиль, трактор, автобус, и др.).

КНИГА БОГАТО ИЛлюстрирована.

Цена книги с перес. — 8 рублей.

Высылается наложенным платежом.

АДРЕС ДЛЯ ЗАКАЗОВ: Ленинград, 104, „Международная Книга“

КНИГИ ПО ОХОТЕ

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Новейшие книги по вопросам: ружье, собака, канканы, чучела, охота по перу, охота на зверей и т. д. Авторы: Бутурлин, Каверинев, Зворыкин, Рахманин и др. в количестве 15—20 экз. ценою 15 р. — высылается наложенным платежом. Лен. Отд. КОМЗ. Ленинград, 11, Гостиный двор, Суворовская линия, магазин № 127/0.

КАЖДЫЙ КОЛХОЗ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ СОБСТВЕННУЮ ПАРИКМАХЕРСКУЮ, ОБОРУДОВАННУЮ ПО ГОРОДСКОМУ ТИПУ

Каждый колхоз может приобрести полный набор инструментов и принадлежностей для оборудования парикмахерской по твердой цене, выписав его от ВСЕСОЮЗНОГО ГАЛДНТ. ПАРФЮМЕРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЦЕНТРОСОЮЗА (ВГПО) в МОСКВЕ.

Выпускаемые ВГПО наборы № 1 (75 р.), № 2 (150 р.), № 4 (350 р.) содержат инструменты и парикмахерские принадлежности **ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА, ТЩАТЕЛЬНО ПРОВЕРЕННЫЕ.**

НАБОР № 1

цена 75 руб. с упаковкой

- Бритвы (Навловские) 2
- Понизцы парикмахерские 1
- Машинки для стрижки 1
- Стаканчик пластмасс 1
- Чашечки пластмасс 1
- Порошница пластмасс 1
- Кисти для бритья 2
- Расчески парикмахерские 2
- Зеркало 1
- Щетка головная 1
- Осенок 1
- Ремень для правки 1
- Паста для ремня 3 тубы
- Нод 30,0 1 флакон
- Вата гигиеническая . 50 грамм
- Мыльный порошок . . . 1 коробка
- Нудра коробка 1
- Полотенце 1
- Салфетки (материал на 3 шт.) метр 1
- Клеенка 12
- Одеколон парикмахерский флакон 1

★ **Содержание наборов № 2—**

в 150 руб. и № 4—в 350 руб. см. в газете „Социалистическое Земледелие“ № 105 от 5 VI-25 г. и в журнале „Колхозный Бригадир“ № 3—4 за 1935 г.

★ В стоимость наборов включены ники и упаковка.

★ Сельпо и колхозам наборы высылаются по получении ПОЛНОЙ ИХ СТОИМОСТИ; на стоимость пересылки накладывается платеж.

★ Заказы с указанием № требуемого комплекта с ПОЛНЫМ И ТОЧНЫМ ПОЧТОВЫМ АДРЕСОМ покупателя направлять по адресу: МОСКВА, 5, 1-й Переведенский пер. 43, ВГПО Центросоюза.

★ Деньги переводить по адресу: ВГПО Центросоюза, расчетный счет № 91058 в Московской Конторе Госбанка, Москва.

ОТЗЫВЫ КОЛХОЗОВ

Колхоз им. СТАЛИНА Таджикистан

„... Присланную посылку считаем хорошего качества, шлем Вам благодарность. Когда посылка была раскрыта, многие сами себе не верили, что за такую цену это выслано...“

Сегодня в обеденный перерыв о.крыли работу, обрили 11 человек. Во время бритья все горючили: это бритье не местная, не слышать, как бреет! Шлем благодарность.“

Колхоз им. ВОРШИЛОВА Актюб. обл.

„... У меня в Карасульском кусте 10 колхозов и 2 совхоза. Ни один колхоз не выехал на весеннюю полевную без парикмахерской. Очень удивились качеству гарикмахерских комплектов № 1 и выписали еще № 4 за 350 рублей.“

САВИНСКОЕ СЕЛЬПО Свердлов. обл.

„... Колхозы Н. Савинского и В. Савинского совета шлют благодарности за хороший подбор ассортимента. Колхозники сейчас уже не уходят из своих полевых станков, они тут же бреются. Для этого выделены специальные парикмахеры.“

Колхоз „ПОЛЕВОЙ ТРУД“ Азово-Черном. Край

„... Без вашей организации мы даже не подумали приобрести в колхоз парикмахерскую. Брили, как кто может, а теперь для парикмахерской отдели место в застекленном коридоре, оборудовали мебелью. Выделен парикмахер из колхозников, знающий дело. Будем расширяться.“

Колхоз „ИРСКАЯ ТРАВА“ Ивановск. область

„... Качество присланных Вами инструментов гоброка отличное. О обмене отмечаем хорошее качество бритья. Правление колхоза и все колхозники нашего колхоза приносят большую благодарность за точное, аккуратное и скорое выполнение нашего заказа.“